

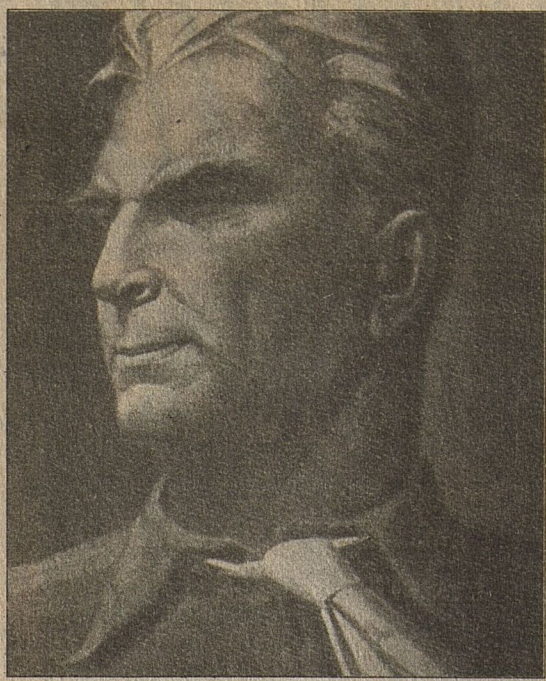
Судьбы

Жареный соловей

Моск. правда. - 1996. - 6 авг. - с. 6.

95 лет со дня рождения Владимира Александровича Луговского (1.7.1901, Москва, - 5.6.1957, Ялта) не заметил никто, даже календарь ИТАР-ТАСС. Впрочем, считаю, что на эту дату откликнулся ежеквартальный журнал «Новая Россия» (№1, 2 1996, роскошный, 192 страницы на глянцева бумаге), опубликовавший с фотографиями и рисунками биографический роман Майи Луговской, она же Елена Леонидовна Быкова (14.5.1914, Липецк, - 22.8.1993, д. Рождественка под Белевом): «Научи оправданиям». Оправдания, поясняет автор, это как бы законы Бога, его правила. Как в молитве: «Научи мя оправданиям твоим». Роман читается с живым интересом и, надо думать, войдет в число популярных русских женских мемуаров от Панаевой до Надежды Мандельштам. В центре повествования, не считая рассказчицы, поэт Луговской. Его судьба драматична. Выходец из древнего рода, о чем знали только близкие. С барственной и мягкой манерой говорить. Высокий, широкоплечий, красивый, с пронзительным взглядом из-под густых, нависших бровей. Производящий впечатление даже со спины. (Так видит, сами понимаете, дама). Репрессиям не подвергался. Но... в 1937 году президенту управления СП СССР издал постановление, объявившее ряд его стихов «политически вредными». Закручивались цензурные гайки, поэзия подвергалась унификации. Луговской покayался. Урезал и упростил свое «Жестокое пробуждение», некоторые строфы которого помню с отрочества: «Но ты мне приснилась, как юности - парус, как юности - нежные зубы подруги, как юности - шквал паровозного пара, как юности - слава в серебряных трубах». Он все упорней заставлял музу служить тоталитарному государству, армии: стал одним из создателей ЛОКАФа (Литературного объединения Красной Армии и Флота), журнала «Локаф», переименованного в «Знамя». Воспевал эстафету мужества, «право боевой поруки», воспеваля тех, что «станут умирать - не будут трусы», железные полки, комзвездов: «Молодой товарищ, ты не видел тех годов багровые огни, ты не будешь на судьбу в обиде, - грянет бой - ты будешь, как они». У него все чаще мелькали эпитеты: «богатырский», «грозыный», «огненный», «неукротимый», «непреклонный», «бешеный» (подмечено Л.Левиним, автором книги о поэте). И сам он казался славным командиром, богатырем.

И тут грянул бой. Сорокалетний локафовец, командированный «Красной звездой», выехал на фронт. Но до фронта не доехал. По словам Майи Луговской, под Псковом он увидел раздобытый поезд: «пришлось шагать мимо рас-

терзанных трупов детей и женщин, ступать по вывороченным человеческим внутренностям. И что-то случилось с ним тогда, он вдруг одеревенел, был контужен ужасом войны, ее беспощадностью». Версия, ходившая в литературных кругах, еще более жесткая: сам Луговской на подступах к фронту попал в эшелоне под бомбежку и страшно испугался. На глазах у всех. Это был позор. Мгновенно обнажилась даже не бойцовская несостоятельность, а лживость героического образа, облика. Имиджа, как сказали бы сейчас. Тут он и переломился пополам. Заболел. Получил белый билет. Уехал в эвакуацию, в Ташкент. Запил. Стал похож, как сострил Михаил Светлов, на взорванный Днепр-гэс. Стал унылым персонажем повести Симонова «Двадцать дней без войны».

Так было или иначе, я в Луговского камень кидать не стану. Да, многие рафинированные интеллигенты, очкарики-неумехи, среди них поэты, героически воевали и героически погибли в Отечественную войну. Да, Байрон славно умер в военном лагере; молодечество Лермонтова общеизвестно; молодой Державин... ну, вы знаете. Но я помню также слова, которые вроде бы сказал Гумилев, узнав, что мобилизован Блок: посылать на фронт поэтов - все равно что жарить соловьев.

Конечно, Луговской страшно подставился. Вернее, судьба подставила его. Конечно, в его поэзии, как почти во всей советской поэзии, до конца не разберешь, где правда (правда чувств), а где фальшь, пресмыкательство. Но, с другой стороны, может быть, описаниями преодолевал свои природные страхи; избавлялся от комплексов, самоутверждался - в патетике, в торжественности. Вспомни Багрицкого, очень талантливого, с его лихими контрабандис-

тами: «Вот так бы и мне в налетающей тьме усы раздуть, развалиться на корме». Готов поверить, что усы он отращивал, а ходил ли в море, сомнительно: у него были больные бронхи, мучила астма и укачивало даже на любимой девушке. Летал ли Жюль Верн на воздушном шаре? Романтика... Не требуем же мы от актеров, играющих в триллерах суперменов, совершать в жизни немислимые подвиги. Маяковский призывал поэтов не быть морковным кофе, но я случайно люблю морковный.

Многие таланты сгубила уверенность, что большевики будут всегда. Как будто есть на земле что-то вечное. Потускнела ныне поэзия Луговского. В 50-е я восхищался «Сережиной века», стихами «Конек-горбунок», «Та, которую я знал», «Курсантская венгерка», «Медведь», «В сельской школе». Сегодня не готов перечислять. Может, позже... Иное дело - мемуар. Со своей эксцентричной суженой Луговской познакомился в метро в 1944 году. В то время у него была на исходе любовь с Еленой Сергеевной, вдовой Булгакова (автор предисловия Владимир Миклушевич называет Майю «соперницей Маргариты»). Есть и другие сногшибательные сюжеты. Приведу, разжигая ваш интерес, один отрывок:

«Вскоре я убедилась, что и мягкий Луговской умеет оказывать сопротивление - эластичное. Однажды, несколько озадаченный, он сообщил мне, что его вызывают на Лубянку, в НКВД.

- Я даже догадываюсь, зачем, - сказал он, - предложат сотрудничать. Именно таких, как я, они и подбирают.

- То есть?
- Не у дел, скомпрометирован...
- Чем же это?
- Тем, что не на фронте. Слаб, выпиваю, ну и все прочее. Подходя-

щая фигура для секретного сотрудника, стукача.

Боже мой, какой ужас! Я волновалась. В назначенный день и час провожала его к указанному подъезду дома на Лубянке.

- Ждать меня здесь и встречать не нужно. Не беспокойся. Я вернусь.

А я беспокоилась еще и потому, что непосредственно перед этим Луговской изрядно выпил. Когда я захотела воспрепятствовать этому, сказал категорически:

- Позволь мне поступать так, как я считаю нужным. Поверь, я знаю, что делаю.

И оказался прав.

В кабинете, куда Луговского с предупредительностью привели, его встретил полковник, весьма любезно усадил в кресло и завел с ним отвлеченный разговор, который Луговской весело поддерживал. Потом спросил полковника, нельзя ли ему выпить пива. Полковник тут же позвонил, и пиво было немедленно доставлено. Луговской выпил не более бутылки, но этой добавки к уже выпитому оказалось вполне достаточно, чтобы, облокотясь на полковничий стол, заснуть глубоким сном. Когда же через пару часов, выпавшись, в благодушном настроении он опять попросил пива, ему тут же это предоставили, почтительно помогли надеть пальто и под руки проводили до самого подъезда, предложив машину, чтобы довезти до дома, но Луговской отказался. Но на этом все еще не кончилось. Последовало новое приглашение. В кабинете генерала он повел себя точно так же. После чего Луговского уже не вызывали. Казалось, что его оставили в покое...

Таков человек: бывает, что спасует. А бывает... Луговской глазами подруги - личность симпатичная.

ВЛАДИМИР ПРИХОДЬКО.
На снимке: Владимир Луговской. Художник Э. Вартанян.